

*Опубликовано в Материалах XIV Кондратьевских чтениях
“Инновационное обновление социального сектора России,
перспективы и последствия”, 14 ноября 2006.
-М.: МФК, 2007. – С. 406-424.*

*Кузьменко В.П., к.э.н.
доцент, Национальный институт проблем
международной безопасности (Украина)*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ЦИКЛАХ КОЛЕБАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ОТ ЛИБЕРАЛИЗМА К ТОТАЛИТАРИЗМУ

“Кризис наших дней” и в социально-политических, и в эколого-экономических, и в социокультурных процессах приобрел затяжной характер и своей предельно негативной динамикой подтверждают “главные тенденции нашего времени”, открытые более полувека тому назад двумя выдающимися российскими учеными **Питиримом Сорокиным** и **Николаем Кондратьевым**. Именно так – “Кризис наших дней” – был назван краткий вариант четырехтомника П.Сорокина по социальной и культурной динамике. Еще до революции П.Сорокин рассматривал социальную политику государства как специальный раздел социологии. Так в своей ранней лекции по социологии периода первой мировой войны он выделил в ней четыре раздела, назвав их отделами. Первый отдел социологии Сорокин назвал общим учением об обществе, второй – социальной механикой, третий – социальной генетикой, и только последний, четвертый – социальной политикой.

“Этот отдел по своему характеру и целям, – писал Сорокин, – является чисто практическим, прикладной дисциплиной. Его задачей служит формулировка рецептов, указание средств, пользуясь которыми можно и должно достигать цели улучшения общественной жизни и человека. Иначе социальную политику можно назвать социальной медициной или учением о счастье. Подобно тому, как с ростом физико-химических и биологических наук появились чисто прикладные дисциплины (технология металлов, агрономия, медицина и т. д.), которые теоретически данные этих наук обращают на служение человеческим целям, так и социальная политика, пользуясь данными теоретической социологии, может и должна использовать их для практического применения в сфере общественной жизни и целях ее улучшения, короче – в целях роста человеческого счастья, увеличения культурных ценностей и ускорения общечеловеческого прогресса. Таковы основные отделы социологии и задачи последних. Как видим, эти задачи настолько велики и всеобъемлющи, что делают излишними всякие увещания о том, что нужно заниматься социологией, что эта дисциплина стоит того, чтобы поработать над ней и т. п.”

Но место социальной политики в системе социологии, определенное Сорокиным и сегодня и сегодня является вполне современным. Прикладной характер социальной политики органически объединяется с необходимостью ее теоретического обоснования. Социальная структура современного общества не является гармоничной, а его стратификация как в целом в мире, так и в отдельных странах, к сожалению, имеет тенденцию к ухудшению в направлении максимального обогащения минимального процента наиболее зажиточных страт населения и предельно возможного обнищания максимального процента наиболее беднейших его страт. Так, например, в Украине еще в пике социально-экономического кризиса 1999 г., активный деятель оппозиции из фракции Блока Юлии Тимошенко (БЮТ) д.т.н, д.э.н. **Михаил Павловский**, умерший два года тому назад, писал, что “экономические потери Украины за время проведения нынешнего курса реформ превышают экономические потери за период Великой Отечественной войны, а людские – составляют около двух миллионов человек. При этом более 80% населения проживает за чертой бедности, и лишь 1% живет зажиточно”. А в следующие семь лет “реформ” население Украины сократилось еще на 3 млн. человек, а его социально-экономическая стратификация практически не улучшилась, несмотря на макроэкономический подъем страны в новом тысячелетии со среднегодовыми темпами прироста ВВП в 7%, которые для сегодняшней кризисной мировой экономики являются довольно высокими. Аналогичная ситуация наблюдается, к сожалению, и в

России, где официальный разрыв между доходами 10% наиболее богатых и 10% наименее богатых страт населения достиг 15 раз, а неофициальный приближается к 40. В Украине он был еще больше и только недавно стал уменьшаться. Тем самым, наблюдалось существенное отклонение от закона Парето.

Но и сам выдающийся итальянский экономист, политолог и социолог **Вильфредо Парето** указывал, что при радикальных трансформационных изменениях, например, при вытеснении коллективной собственности частной, что как раз и наблюдалось последнее время в России и Украине и других постсоциалистических и постсоветских странах, форма кривой распределения дохода в любом обществе или точнее в большинстве таких стран также трансформируется. Более того, П.Сорокин, комментируя социальную мобильность, ее формы и флуктуации, подчеркивал:

“Под вертикальной социальной мобильностью подразумеваются отношения, связанные с перемещением индивида (или социального объекта) из одного социального слоя в другой. В зависимости от направления перемещения могут быть два типа вертикальной социальной мобильности: восходящая и нисходящая, то есть социальный подъем и социальный спуск. В зависимости от характера стратификации, существуют восходящие и нисходящие потоки экономической, политической и профессиональной мобильности, не говоря уж о других менее важных типах. Нисходящий поток имеет две основные формы. Первая – это падение индивида с более высокой социальной позиции на существующую более низкую, сопровождающееся или не сопровождающееся распадом той более высокой группы, к которой он принадлежал. Вторая состоит в деградации социальной группы как целого, в понижении ее ранга по сравнению с другими группами или в ее распаде как социального целого. Первый вариант чем-то напоминает тот случай, когда человек падает с борта корабля и тонет, второй – напоминает кораблекрушение, когда тонет или налетев на скалу, разбивается вдребезги сам корабль, после чего он гибнет со всеми находящимися на нем людьми”.

Вот последнего случая и следовало бы особенно остерегаться всем постсоветским странам на пути трансформации к требованиям рыночной экономики и гражданского общества.

Следует обратить внимание, что у П.Сорокина в области разработки теории социальной политики в дореволюционной России был предтеча в лице гениального украинского экономиста **Михаила Туган-Барановского** – непосредственного учителя его друга – российского ученого Н.Кондратьева. Собственно говоря, именно непосредственный ученик называл его гением в своей книге, специально написанной в память о нем и вышедшей в свет в 1923 г., то есть именно во время эпохального открытия (мирового значения) Н.Кондратьевым больших циклов конъюнктуры.

Еще в 1894 г. вышла в свет первая его книга “Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь”, под которой и понималась социальная сфера экономики. Эта книга не утратила своей актуальности и сегодня. В изданных через 15 лет после нее “Основах политической экономии” (1909) М.Туган-Барановский обратил внимание на необходимость именно социальной, а не политической направленности экономического развития путем усиления социальной политики через гармонизацию дифференцированных страт общества. Эти идеи он развил через четыре года, в 1913 г. в специальной работе “Социальная теория распределения”. Современный американский исследователь его творчества **Н.Балабкинс** пишет, что в этой работе он *“отверг популярное в то время представление, что распределение доходов зависит, главным образом, от процесса формирования цен, процесса обмена и в особенности от предельных продуктов разных факторов производства. С точки зрения Туган-Барановского, распределение национального дохода зависит, прежде всего, от взаимозависимости между разными социальными классами. Главным в его объяснении было то, что организованный рабочий класс может добиться более высокой заработной платы. Деловые круги платят за такое повышение заработной платы снижением прибыли по ряду причин”.* И главной среди них есть снятие социально-политической напряженности в обществе, что и является одной из главных задач социальной политики. Это развила и шведская экономическая школа.

Н.Кондратьев впервые указал на кризисные 30-е годы XX ст. и возможное завершение кризиса в начале 40-х годов. Это и произошло в мировой экономике во время Великой депрессии и даже политике, учитывая вторую эмпирическую правильность кондратьевской теории, которая утверждала повышение частоты социальных катаклизмов на подъеме К-волны, из чего, собственно, вытекала большая вероятность обширной войны в начале следующей К-волны. В сущности, модель Кондратьева была единственной в мире моделью, которая позволила ему заранее предвидеть Великую депрессию 30-х годов и в конце ее начало второй мировой войны. Больше того, прогнозируемая устойчивость длины “К-волн” подтверждается и очередной, уже планетарной в

условиях глобализации депрессией – мировым общеэкономическим кризисом, который в полном соответствии с теорией промышленных кризисов Туган-Барановского начался с финансовых кризисов 90-х годов прошлого века в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и, особенно, в странах СНГ - дефолтом в РФ, а сейчас достиг США, Японии и стран ЕС. Возникновение К-волн объяснено необходимостью кардинального обновления основного капитала, обоснованного в первой эмпирической правильности Кондратьева. Уже в конце 30-х годов XX в. выдающийся австро-американский экономист **Йозеф Шумпетер**, углубляя идеи Кондратьева указал на первооснову К-волн – импульсы нововведений, которые предопределяют колебание всей экономической системы через кластеры базовых инноваций. Причем большой цикл конъюнктуры Шумпетер разложил на две временные составляющие: среднесрочную – инновационную, и долгосрочную – имитационную. В 1975 г. американско-немецкий экономист **Герхард Мениш** прибавил третью, краткосрочную составляющую – “технологического пата” за счет псевдоинноваций и каждая “К-волна” стала состоять из трех временных составляющих:

- краткосрочная – “патовая” (переходная, депрессивная);
- среднесрочная – инновационная (революционная, обновляющая);
- долгосрочная – имитационная (эволюционная, застойная).

Характеризуя общие черты того или другого общества, к одному из основных его признаков следует отнести уровень свободы его граждан. И, как заметил наш выдающийся мыслитель – философ свободы **Николай Бердяев**, свобода – это не только осознанная, но и преодоленная необходимость. Именно возможности ее преодоления определяют меру сжатия или расслабления “общественной атмосферы”. То ли предоставляет власть своим гражданам условия для “свободного дыхания”, или, наоборот, каждый шаг гражданина находится под “неусыпным оком” созданных властью органов максимального подчинения воли человека путем тотального давления на него, вплоть до физического уничтожения, на чем и держался советский режим. С блеском описан такой тоталитаризм в антиутопиях “Мы” **Евгения Замятина**, “О дивный новый мир” **Олдоса Хаксли** и “1984” **Джорджа Оруэлла**. Если два первых романа, вышедших, соответственно, в 1920 и 1932 годах на 5-10 лет опережали предвиденные в них события Великого перелома в СССР и фашистской диктатуры в Германии, то последний, вышедший из печати в 1949 г., дописан автором уже в конце 1948 года. Это время и стало толчком к пророческому его названию: “1984”, что тогда обозначало не более, чем зеркально перевернутый 48-й год. Но ведь именно 1984 год через 36 лет стал последним годом андроповских облав советских граждан в магазинах, кинотеатрах и других местах скопления народа. Можно только догадываться до каких репрессий мы могли бы дожить, если бы не “внезапная” смерть очередного Генерального секретаря КПСС. А самого писателя не стало еще в 1950 году. Как и **Владимир Соловьев** после написания пророческих “Трех разговоров...”, в которых были описаны мировые войны XX ст., он умер в 47 лет от ужаса своих апокалиптических предвидений. А в романе Оруэлла они представлены в виде мира, поделенного между тремя диктаторскими сверхдержавами: Океанией, Евразией и Остазией, непрерывно воюющих между собой, а примерно в начале 1960-х годов Земля пережила ядерную войну, лишь кратко упомянутую им. А разве в 1962 г. во время Карибского кризиса мир не стоял в двух шагах от ядерной катастрофы, описанной в моделях “ядерной зимы” **Никиты Моисеева**? И можно констатировать, что нашей планете просто повезло, что во главе двух сверхдержав с направленными друг против друга ракетами с ядерными боеголовками оказались **Джон Кеннеди** и **Никита Хрущев**. А “ястребы” в окружении лидеров обеих сверхдержав наказали их за достигнутый мир, в следующем году убив первого, а еще через год, отстранив от власти и второго. Очень актуален сейчас и Старший Брат Оруэлла, всегда видящий каждый твой шаг. Поэтому нам следует хорошо взглянуться в наше прошлое и хорошо бы, если бы оно оставалось только прошлым. Ведь опасные тенденции мы наблюдаем и в настоящем. И о них нужно прямо говорить. Ведь уже более полувека тому назад Оруэлл писал, что “недогматичность мышления – первое условие свободы”, а истоки тоталитаризма кроются “в страхе интеллектуалов перед настоящей свободой”.

Итак, речь идет о “сжатии” и “расслаблении” общественной атмосферы социальной системы. Если обратиться к физически-биологической функционирующей модели периодического сжатия-расслабления, то лучший пример, чем работа сердца живого существа, едва ли найдем. Исходя из гипотез советских историков-диссидентов **Сергея Лезова** и **Александра Некрича** “о переменном “сжатии” и “расслаблении” социальной системы в СССР”, а также работающего сейчас в США историка и политолога **Александра Янова** на “периодизацию развития России по циклам реформ и контрреформ” еще 15 лет тому назад мы попробовали, по аналогии с механизмом кондратьевских больших циклов конъюнктуры, определить социально-политические циклы исторического процесса,

отличающиеся от социально-экономических циклов и продолжительностью в 30 лет, разбив их, как и К-волны, на три составляющие, выявленные в развитии СССР и постсоветской власти в странах СНГ.

Как и 55-летний кондратьевский социально-экономический цикл, 30-летний социально-политический цикл состоит из трех временных составляющих, но с четко определенными периодами 3, 9 и 18 лет. В четырехтомнике “Социальная и культурная динамика” (1937-1941) друг Кондратьева П.Сорокин привел обобщенные социально-исторические циклы. Еще раньше, в 1927 г. в “Обзоре циклических концепций социально-исторического процесса” он, со ссылкой на мудрецов старинного Китая, писал, что “у Конфуция мы находим теорию периодичности в повторении малых социальных циклов. Есть социальные процессы, которые повторяются каждые 3, 9, 18, 27 и 30 лет”. Итак, по временным ритмам они совпали с периодами определенных нами циклов. Ведь 9 лет “расслабления” и 18 лет “сжатия” вместе дают 27 лет, в сумме с которыми еще 3 года переходного “патового” периода борьбы за власть образуют специфичный 30-летний цикл социально-политических флуктуаций советского и постсоветских обществ.

Таким образом, прогнозный инструментарий больших циклов конъюнктуры, созданный 80 лет тому назад Н. Кондратьевым, подтвержден реальными изменениями мировой экономики за эти годы, что полностью доказывает необходимость его применения во время разработки сценариев социально-экономического развития как отдельных стран, так и мирового хозяйства в целом. Больше того, он помогает объяснить и циклические закономерности социальной и социокультурной динамики, которые в мировой социологии фундаментально рассмотрены П.Сорокиным. Он первый обратил внимание и на открытые еще *Конфуцием* социальные циклы длиной в 3, 9, 18, 27, 30 лет, которые, в сущности, совпали с определенными нами для советского и постсоветского пространств впервые в 1991 г., то есть еще 15 лет тому назад, 30-летними социально-политическими циклами с довольно оригинальным физическим механизмом 18-летних “сжатий” и 9-летних “расслаблений” с 3-летним переходным “патовым” периодом борьбы за власть, окончание которых предполагается к 2025 г.

Первый социально-политический ленинско-сталинский 30-летний цикл на территории будущего СССР начался с трехлетнего “патового” периода борьбы за власть (гражданская война 1918-1920 гг.), после которого 9 лет длился период ленинского “расслабления” НЭПа. И хотя Ленин умер в начале 1924-го, Иосифу Сталину понадобилось еще 5 лет, чтобы исключить из политической жизни СССР своего главного конкурента Льва Троцкого, которого он в начале 1928 г. выслал в Алма-Ату, а через год, в 1929-м, выдворил за границу, отправив на корабле в Константинополь, а после переезда Троцкого океаном в другое полушарие Земли через 10 лет достал его ледорубом Меркадера в Мексике.

Таким образом, в 1930 г. начался период сталинского “сжатия”, который длился 23 года 2 месяца, до смерти Сталина (март 1953 г.). Но из него необходимо исключить пятилетнюю экзогенно-бифуркационную “лауну” четырехлетнего военного “сжатия” в противодействии другой тотальной системе. С июня 1941 г. до мая 1945-го продолжалась Великая отечественная война, которая вместе с годовым послевоенным “расслаблением”, которое длилось до августа 1946 г. – резонансное дело о журналах “Звезда” и “Ленинград”, направленное против двух выдающихся русских писателей украинского происхождения: прозаика-сатирика *Михаила Зощенко* и поэта *Анны Ахматовой -Горенко*. Этот период вместе занял 5 лет и 2 месяца, после чего продолжились очередные сталинские репрессии. За исключением этой “лауны”, общий период сталинского “сжатия” составил ровно 18 лет.

С 1953 г. начался второй 30-летний цикл, который продолжался до конца 1982 г., состоявший из:

1) трехлетнего “патового” периода (1953-1955 гг.) борьбы за власть между представителями сталинского окружения, в первую очередь, Никиты Хрущева с Лаврентием Берией, а со временем – с так называемой “антипартийной группой”;

2) девятилетнего периода хрущевского “расслабления” – так называемой “оттепели” (1956-1964 гг.), которая началась с XX съезда КПСС, а завершилась отстранением Никиты Хрущева от власти брежневским “коллективным руководством”;

3) восемнадцатилетнего периода брежневского “сжатия” (1965-1982 гг.), который длился до смерти Леонида Брежнева в ноябре 1982 г.

В 18-летнем “сжатии” тотальной системы пик репрессий приходится на середину периода – его 9-й год. Так в брежневском “сжатии” это был 1973 год, когда возглавляемые выдающимися общественными деятелями *Александром Солженицыным* и *Андреем Сахаровым*, будущими нобелевскими лауреатами, сомкнулись два течения диссидентского движения. Этот 1973 год отличился инспирированным коммунистической властью “гневом народа” именно против этих

деятели. В сталинском “сжатии” такими годами были 1937-1938; на конец 9-го года этого “сжатия”, по свидетельству Солженицына, “к 1 января 1939 г. расстреляно 1 млн. 700 тыс. человек”. Третий тридцатилетний цикл начался в конце 1982 г. с завершением брежневской эпохи. Трехлетний “патовый” период борьбы за власть между представителями брежневского окружения Ю.Андроповым и К.Черненко закончился после их последовательной смерти победой в 1985 г. **Михаила Горбачева**, который провозгласил “перестройку” – третье “расслабление” во времена существования Советской империи, которое длилось также 9 лет. В процессе этого расслабления состоялся распад самого СССР. Он же обратил внимание уже в начале XXI века на возвратные тенденции в мире к автократии:

“Наметилась еще одна тенденция, которая, откровенно говоря, меня шокировала. В 2000 году на Всемирной конференции политологов в Квебеке единодушно констатировали, что в странах, которые за последнюю четверть столетия освободились от тоталитарных режимов, сначала состоялся всплеск демократии (причем процессы демократизации, в сущности, охватили все континенты), а потом пошла мощная волна “отката” и снова возродился острый спрос на тоталитарных лидеров. Даже в Австрии и Франции, не говоря уже о других. И волна эта оказалась настолько сильной, что политологи сделали такой неутешительный прогноз: не исключено, что XXI столетие станет веком авторитаризма. В целом, глобализация хорошенько “тряхнула” всех. А на постсоветском пространстве – еще и вдвойне”.

Упомянутый выше А.Янов еще в 1995 г. в книге “После Ельцина. “Веймарская Россия”” писал, что в 2000 г. в РФ “*придет к власти политик, который заговорит языком Жириновского и он будет восприниматься населением совсем знач*”, чем в демократической РФ Ельцинской эпохи. И следует особенно отметить, что такой точный прогноз, по сути, мог сделать только ученый, который первым в СССР предложил теорию циклического исторического развития России и был вынужден из-за этого эмигрировать с ее территории в США еще в 1974 г., работая в Гарварде. Таким образом, “сжатие” в СНГ, начавшееся в 1994 г. с войны в Чечне в РФ и с прихода ко власти в Беларуси А.Лукашенко, а в Украине Л.Кучмы, при 18-летней его длине продолжится до 2012 г. А свидетельством сегодняшнего “сжатия” России есть и убийство бесстрашной журналистки **Анны Политковской – Мазены** (знаковое имя для России еще с Петра I), и перемещение РФ в рейтинге по уровню свободы прессы на 147-е место среди 168 стран. Если Беларусь занимает в нем 151-е, то Украина переместилась на 105-е.

Описанный выше механизм социально-политических и социокультурных циклов советского и постсоветского пространств имеет сугубо эндогенный характер, если не учитывать влияние на них экзогенных факторов второй мировой войны (Великой Отечественной войны для народов СССР), которая создала в флуктуациях “сжатий” и “расслаблений” советской системы экзогенно-бифуркационную “лауну” сроком в 5 лет 2 месяца, продлив сталинское “сжатие” именно на этот период. Но в нем, рядом с четырехлетним “сжатием” советского народа в противостоянии фашистскому нашествию, было и небольшое, едва больше года, послевоенное “расслабление”. Аналогичный феномен возник в Российской империи после Отечественной войны 1812 г. с Наполеоном. Схожесть процессов и последствий этих войн просто поражает, ведь обе они происходили для завоевателей “не по их правилам”, с широким партизанским движением, а, главное, слом в наступательных действиях агрессоров, остановку их и обратный путь сделали возможными неистовые российские морозы, влияние которых следует отнести к природному, Божьему промыслу. Но само изменение природных факторов, как известно науке сегодня, происходит благодаря изменениям в экзогенном влиянии космических факторов, и прежде всего циклов солнечной активности, которые влияют и на социум, что впервые обнаружил еще в годы первой мировой войны и революций 1917 г. выдающийся российский ученый-гелиосоциобиолог **Александр Чижевский**.